

Из-за того что Ши Ань сегодня возвращалась в поместье в глухую полночь, Сун Шии принялась готовить её самые любимые с детства сладости еще в полуденный час, делая всё своими руками.

Она уже набрала воды в таз для умывания, ожидая лишь возвращения девушки, чтобы та могла сполоснуть лицо и руки. Аккуратно сложенная чистая одежда также была заготовлена и аккуратно разложена на кровати в комнате.

Глубокой ночью она подошла к воротам поместья, села у самого порога на каменные ступени, подперла голову рукой и стала ждать, пока вернется один-единственный человек.

В ожидании она сама не заметила, как заснула.

Ши Ань торопилась домой всей душой, погоняя коня галопом, и издалека заметила у ступеней усадьбы женскую фигуру.

Подъехав ближе, она соскочила с лошади и направилась прямо к ней. Набросив на плечи спавшему человеку свой дорожный плащ, она склонилась к самому уху и тихо позвала:

— Сестрица, Ши Ань вернулась!

Услышав знакомый детский голосок, Сун Шии проснулась. Стоило ей приподнять веки, как она увидела Ши Ань: та улыбалась ей так ярко, что были видны её фирменные два клыка. Девочка сидела очень-очень близко, их носы почти соприкасались.

Сун Шии почувствовала лишь глубокое умиротворение — она наконец-то вернулась.

Поднявшись на ноги, она взяла её за руку, и они шаг за шагом поднялись по ступеням внутрь поместья, направляясь напрямик к своему флигелю.

— Сестрица, ты не представляешь! Этот молодой господин ни за что не хотел отпускать меня обратно в столицу вместе с вами, я чуть со смеху не умерла от досады, — на ходу капризно жаловалась Ши Ань.

— В Тайном поместье уже всё уладили? — Сун Шии протянула руку и мягко погладила её по волосам, балуя ласковой улыбкой. Они шли не останавливаясь.

— Не переживай, сестрица, всё уже сделано.

— Раз я такая молодец, мне полагается награда? — Ши Ань гордо задрала нос.

— Моя А-Ань и правда большая молодец, конечно же, полагается. — С тех пор как она увидела девушку, улыбка не сходила с губ Сун Шии.

Стоило Ши Ань оказаться рядом с ней, как она неизменно принимала этот наивный детский вид, а её характер по-прежнему оставался простодушным и ребячливым.

А ведь она была младше Сун Шии всего-навсего на два года...

В тот день, когда Сун Шии в десятилетнем возрасте отправилась в горы за лекарственными травами и подобрала Ши Ань, у той даже не было имени.

Тогда она выглядела сущим маленьким нищим: чумазая, с землистым цветом лица, истощенная, в лохмотьях, она лежала под деревом при смерти.

Сун Шии спасла её и уговорила госпожу Сун позволить девочке остаться.

Она сама дала ей имя Ши Ань, вложив в него пожелание мира и покоя, искренне надеясь, что отныне у той всё и всегда будет спокойно.

Госпожа Сун велела обучать её боевым искусствам вместе с юной госпожой и назначила личным телохранителем в мужском плаще для защиты её безопасности.

Невзирая на простодушный и ребяческий нрав, боевыми навыками она обладала поистине великолепными и имела к ним высочайший талант.

Ши Ань с малых лет знала, что Сун Шии и юная госпожа — самые дорогие для неё люди на свете, те, кого она обязана защищать ценой собственной жизни.

Они выросли вместе, словно неизменные друзья детства. Сун Шии с младых ногтей баловала Ши Ань, вырастив её наивной, светлой и совершенно бесхитростной. И вот теперь, когда ей уже перевалило за восемнадцать, она всё ещё оставалась простофилей, ничего не смыслящей в человеческих отношениях.

Хотя их не связывало кровное родство, Ши Ань с самого детства звала Сун Шии не иначе как сестрицей.

— Быстро умывай руки и иди есть, тут всё твоё любимое!

— А после еды как следует приведешь себя в порядок: вся в дороге пропылилась, фу-у, даже слегка пахнет, — Сун Шии сделала вид, что брезгливо зажимает нос рукой, но при этом не отходила от неё ни на шаг.

Глядя на то, как сидящая напротив неё девушка уплетает еду за обе щеки без капли манер, она находила это невероятно милым.

Возможно, сказывалось то, что в детстве Ши Ань пришлось изрядно поголодать, но ела она всегда так, будто набросилась на пищу.

Уже в глубоких сумерках, после всех умываний, Ши Ань, совсем как в детские годы, начала канючить и потребовала спать с Сун Шии на одной кровати.

— Сестрица, да сколько же времени ты со мной вместе не спала?

— Вечно норовишь уйти к себе, а я не хочу! Сегодня ты должна спать со мной, иначе я глаз не сомкну.

— Айя! Я ведь за эти дни так устала, сестрица, ну составь мне компанию!

Ши Ань надула губы, слегка раздула щеки и принялась легонько теревить рукав Сун Шии, покачивая его.

Сун Шии подняла взгляд на эту девчонку, которая была выше её на добрую полголовы, облаченную в свободную ночную сорочку, с полными обиды и мольбы глазами, и её сердце мгновенно растаяло.

— Хорошо-хорошо, пусть будет по-твоему!

— Тебе ведь скоро девяносто... то есть девятнадцать исполняется, а всё ведёшь себя как ребёнок, — она по-прежнему улыбалась ей со всё тем же избавылающим и бессильным утешением.

Сун Шии всегда считала себя человеком рассудительным и решительным в любых вопросах.

Но стоило ей встретиться взглядом с умоляющими глазами Ши Ань, как от её рассудительности не оставалось и следа, мысли путались, и раз за разом она проявляла непростительную мягкость.

Они лежали на одной постели, переплетя пальцы.

Сердце Сун Шии тревожно и тесно сжималось, словно его опалял огонь, разжигая в душе смуту и смятение.

Повернув голову, она увидела, что Ши Ань сладко спит, а её ровное дыхание раздается в

тишине.

— Глупышка Ань!

Закрыв глаза и чуть крепче сжав переплетенные пальцы, она тоже погрузилась в сон.

Ночь уже вошла в свои права, в доме спали крепким и безмятежным сном, а за окном высоко в небе сияла яркая луна.

Мэн Хуайюэ от природы не умела пить вино, но из-за переполнявших её душу тревог в тот раз не удержалась и незаметно для себя осушила слишком много. Голова отяжелела, и стоило ей заснуть, как сон продлился ровно сутки напролет, не оставив ни малейшего ощущения реальности.

Во сне она снова увидела А-Лань. На этот раз А-Лань говорила, что больше не покинет её, говорила, что простила её!

Они касались друг друга, заключали друг друга в объятия...

Они играли в го за столиком, сидели рука об руку, опуская камень за камнем, понимая друг друга с полуслова...

Они отдыхали в саду: А-Лань читала ей сказки из иллюстрированной книги, забавляя и разгоняя тоску, а та беззаботно лакобилась сладостями, склонив голову набок, то хмурясь, то расплываясь в улыбке...

Они скакали верхом на конях, наслаждаясь свободой посреди необъятного мира. Весенний ветер овеивал их лица, трепал темные пряди и заставлял всё сильнее биться два сближающихся сердца...

Они обменялись памятными вещицами: А-Лань подарила ей фамильный нефритовый кулон, который носила с самого детства и который наделен особым смыслом, а она в ответ преподнесла первый в жизни вышитый своими руками мешочек-кошелек с узором из распустившихся на одном стебле лотосов, прильнувших друг к другу...

Сменялись дни и ночи, ветер гонял облака по небу, и эта безмятежная пора казалась невероятно уютной, а время — застывшим в покое.

...Трах-бах!

Звук, похожий на то, как нефритовый кулон разбивается о камни...

Мэн Хуайюэ резко очнулась от сна. Едва открыв глаза, она увидела лишь полог над головой, вышитый парами павлинов и фениксов, мягко мерцающий в полумраке.

Она слегка придержала раскалывающуюся от боли голову, осознавая, что снова видела во сне прошлую жизнь, но на сей раз сновидение оказалось целиком счастливым.

Она подумала, что это наверняка из-за того, что А-Лань сейчас находится в столице и больше не отрезана от неё таким огромным расстоянием.

В её сердце зарождалась слабая уверенность: на этот раз они не повторят ошибок прошлой жизни!

— Юньцю, который сейчас час? — хрипло позвала служанку Мэн Хуайюэ.

— Ваше Высочество, вы наконец-то очнулись! Вы так нас напугали!

— Вы проспали с похмелья целые сутки, сейчас уже утро второго дня.

— Вчера и император, и императрица, и наследный престол навещали вас, они были так рассержены, вы всех до полусмерти перепугали! — с замиранием сердца произнесла Юньцю.

— Ваше Высочество, в этой пиале — отвар от лекаря, а в этой — средство от похмелья, их всё время держали теплыми. Выпейте скорее! Вам сразу станет легче!

Мэн Хуайюэ поморщилась, допивая лекарство, и служанка тут же сунула ей в рот зацукавленный плод. Лишь зажав его во рту, она смогла заглушить оставшуюся горечь.

Она с детских лет терпеть не могла пить лекарства. В прошлой жизни, когда она впервые заболела после замужества, Сун Синлань, видя её мучения при приеме горьких снадобий, сама занялась изучением медицины, стала исследовать различные травы и варить лекарства собственными руками.

Она перерыла множество медицинских трактатов и народных рецептов лишь для того, чтобы найти то, что можно добавить при варке для смягчения горечи отвара.

После этого лекарства, которые она пила, уже не казались такими горькими, и прежнее отвращение пропало.

Допив отвар, Мэн Хуайюэ велела своим личным служанкам Юньцю и Юнься переодеть её, приказала подать паланкин и собралась во Дворец Шэнъи на личную встречу с императрицей.

— Матушка, Юэ-эр пришла навестить вас! — поддерживаемая служанками, Мэн Хуайюэ с трудом переступила порог дворца.

Подойдя к императрице Чжан-ши, она обняла её за руку и капризно произнесла:

— Матушка, простите, что заставила вас волноваться!

— Ты еще помнишь, что у тебя есть матушка, которая может переживать? Как это тебя угораздило так вусмерть напиться в одиночку только потому, что не удалось попасть на триумфальный пир? — наигранно рассердилась Чжан-ши.

— Ах ты! Твой августейший отец совсем тебя балует! Впредь не смей так безобразничать, ты — самая почитаемая принцесса Государства Шу, и каждое твое слово, каждый жест олицетворяют императорское величие и достоинство, — поучительно произнесла императрица.

— Дочь поняла! — с кислым лицом и видом оскорбленной обиженки отозвалась Мэн Хуайюэ.

— Докладываю императрице: наследный престол передает через слугу, что ожидает снаружи у входа в залы! — доложила подошедшая служанка.

— Хорошо, зови наследного престола, — взмахом руки велела императрица.

<http://bllate.org/book/21492/2200595>